ВВЕДЕНИЕ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКИ ЭКОСОЗНАНИЯ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Парадоксы социодинамики современного мира все более убедительно демонстрируют глобальный характер развития общества и важнейших его подсистем. Эволюционное мышление становится неотъемлемым атрибутом эпохи бифуркаций и радикальной трансформации индустриальных стилей жизни. Информационные, технологические, социокультурные новации определяют сегодня цивилизационные приоритеты и существенно влияют на цели и ценности как региональных сообществ, так и человечества в целом. Это приводит к возникновению целого ряда неустойчивостей и порождает ощущение глобальной нестабильности как атрибутивной характеристики современной эпохи.

Традиционно социальный динамизм ассоциировался с целенаправленной человеческой активностью в сфере материального и духовного производства. При этом природная среда обитания человека воспринималась как естественный и неисчерпаемый источник ресурсов, потребление и преобразование которых составляло суть подлинно социальной адаптации человека к его природному окружению. Начиная с неолитической революции, природная среда как относительно целостная и замкнутая экосистема подвергалась все более интенсивному преобразованию и деформации. Социоантропогенная экспансия в биосферу привела на исходе XX столетия к безусловной констатации: экологическое измерение социального прогресса приобрело устрашающе актуальный характер.

Количество и качество современных экологических аномалий позволяют сделать вывод о том, что позитивные перспективы человечества предполагают обоснование таких сценариев развития, которые бы органично соединяли в себе естественно-природные и культурно-антропогенные факторы социодинамики. Необходимо так организовать человеческую деятельность, чтобы она не разрушала тщательно отработанные и отточенные эволюцией механизмы поддержания гомеостаза биосферы. Данная стратегия требует конкретного знания сложных механизмов саморегуляции биосферы как естественного природного комплекса. Но не менее важно адекватно интерпретировать те ценности и социокультурные

механизмы, которые формировали основополагающие установки конкретно-исторических версий экосознания и соответствующих им типов экологической культуры.

Подобная реконструкция важнейших исторических форм экосознания в контексте западноевропейской культурной традиции представляется весьма актуальной и своевременной задачей. Поиск и обоснование оптимальных как в социоприродном, так и духовно-нравственном отношении проектов преобразования биосферы предполагают системное обращение к традиции, ассимиляцию того духовного наследия, которое веками нарабатывалось в различных регионах мира, под воздействием разнообразных социальных целей и ценностных установок.

Именно в контексте данного обстоятельства необходимо рассматривать и интерпретировать настоящий том антологии «Экологическая мысль в истории западноевропейской культуры». Он представляет собой вторую часть многотомного издания «Экологическая мысль народов мира», в рамках которого будет реализован масштабный проект теоретической реконструкции экокультуры различных стран и регионов Востока и Запада, представленных в мифологических, религиозно-философских, художественных, научных сочинениях и текстах, относящихся как к прошлым эпохам, так и отражающих современные представления и социокультурные ориентации.

В данном томе антологии, посвященном исследованию и системной репрезентации западноевропейской традиции становления и развития экологического сознания, продолжена та работа, которая была начата применительно к восточнославянскому этнокультурному комплексу. В первом томе антологии «Экологическая мысль восточных славян» была не только воссоздана историческая эволюция экосознания белорусского, украинского и русского народов, но и обоснованы некоторые методологические принципы исследования этой эволюции. Они сохраняют свое значение и для теоретической реконструкции, истории развития экосознания в западноевропейской культуре. Однако задача адекватной и методологически корректной реконструкции важнейших и смыслообразующих этапов генезиса и развития экологической мысли в истории западноевропейской культуры потребовала решения и экспликации ряда специальных проблем.

Имеет смысл более подробно остановиться на характеристике некоторых из этих проблем.

Прежде всего это проблема осмысления и интерпретации европейской культуры как закономерного исторического процесса, различные этапы и стадии которого диалектически взаимообусловлены в рамках органической целостности, конституирующей специфический тип эволюции социальных институтов и ценностей. В современных исследованиях по философии истории можно вычленить по меньшей мере две основных интерпретации исторической динамики западноевропейской культуры. Первая связана с обоснованием концепции линейного прогресса как универсальной закономерности не только истории европейского человечества в целом, но и социокультурной ее составляющей.

Интерпретация европейской истории как единого процесса поступательного движения социальных систем к более совершенным и оптимальным состояниям их функционирования весьма широко представлена в различных направлениях философии истории. Еще А. Фергюсон вычленил три основных последовательных стадий истории человечества, рассматривая их как дикость, варварство и цивилизацию. Впоследствии в трудах Л. Бруни, К. Келера и других эта схема всемирной истории была конкретизирована в форме хронологически сменяющих друг друга эпох: древневосточной, античной, средневековой и новой.

В настоящее время эта унитаристски-стадиальная концепция европейской истории наиболее рельефно обнаруживает себя в двух версиях. Одна из них – марксистская концепция всемирно-исторического процесса, обосновывает принцип формационного членения истории. Вторая декларируется как модель индустриальной динамики европейского сообщества. В ней в качестве основополагающих вычленяются стадии традиционного общества, индустриального или промышленного общества и постиндустриального (информационного) общества.

Эта схема интерпретации европейской истории определяет ставшую традиционной концепцию исторической эволюции западноевропейской культуры. Уже в трактате Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» данная концепция обнаруживает себя в трехактной схеме развития культуры, основными фазами которой являлись эпохи богов, героев и людей.

Такая линейная логика развертки историко-культурного процесса была унаследована многими мыслителями XIX столетия, которые заложили основания классической модели истории европейской культуры.

В «Лекциях по эстетике» Гегель останавливается на трехчленной конфигурации истории художественной культуры, воплотившейся в последовательной смене стилей «символизм – классицизм – романтизм». Эта историческая эволюция образно-художественных форм и принципов репрезентации культуры в гегелевской концепции скоррелирована с движением истории от древневосточного детства к зрелости западноевропейской цивилизации и стадии самопознания в формах Абсолютного Духа.

При всех очевидных отличиях философского мировоззрения О. Конта от гегелевской философии истории он предлагает аналогичную хроноструктурную триаду, рассматривая историю культуры как смену трех типов мышления: теологического, метафизического и позитивного или научного.

Многочисленные вариации этой классической схемы исторического развертывания формообразований европейской культуры можно обнаружить в современной литературе.¹

Вместе с тем стадийно-прогрессистская трактовка истории культуры обнаружила ряд внутренних противоречий и эмпирических аномалий. Это стимулировало обоснование и развитие альтернативных схем исторической динамики европейского общества и его культуры. Среди этих альтернатив особое место занимает «концепция локальных цивилизаций», развивающая плюралистические представления об истории и ее социокультурных транскрипциях.

Основные положения концепции исторического плюрализма были эксплицитно сформулированы и развернуты в знаменитом сочинении О. Шпенглера «Закат Европы». Впоследствии они развивались в трудах А. Тойнби, Ф. Бэбби, Л. Гумилева и др. Авторы концепции локальных цивилизаций акцентированно дистанцируются от важнейших основоположений эволюционной модели истории культуры и подвергают радикальной критике ее методологические ориентации. Подчеркивая мысль о том, что каждый исторический и этнический тип культуры является автономным образованием и генетически не связан с предшествующими, адепты концепции

¹ См. об этом: Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 1. Спб, 2000, с. 9 - 12

локальных цивилизаций настаивают на плодотворности плюралистической методологии исторического знания, которая исключает любые претензии на построение универсальных объяснительных схем.

Антифундаменталистская направленность данной концепции вполне обоснована и отчетливо резонирует с современными тенденциями развития философии и культурологии. Однако нельзя не признать, что ее инструментально-объяснительные возможности и методологический потенциал существенно ограничены. Именно поэтому многие современные исследования реальных процессов социодинамики культуры в целом и различных ее формообразований ориентированы на использование традиционных методологических стандартов, представленных в классических версиях интерпретации истории европейской и мировой культуры. Весьма красноречивым примером в этом отношении может служить фундаментальная работа группы немецких исследователей под редакцией профессора П. Динцельбахера «История европейского менталитета», в которой эволюция его форм параметризуется сообразно трем основным историческим периодам: античность, средневековье, Новое время. Безусловно, такая схема представляется достаточно формальной и весьма уязвимой для теоретической критики в контексте современных проблем философии истории. Однако это не мешает ей обнаруживать вполне определенную методологическую эффективность и приемлемость в качестве критерия хронологической дифференциации различных феноменов в истории европейской культуры.

Исходя из данного соображения, историческая эволюция важнейших форм и состояний экосознания и экологической мысли в западноевропейской культуре реконструируется как смена следующих исторических этапов или эпох: античность, средневековье, возрождение, Новое время. При всей конвенциональности и условности этой критериальной исторической схемы она оказывается достаточно корректной и операциональной методологической установкой, позволяющей описать основные моменты содержательной эволюции протоэкологических идей и представлений, а также более эксплицитно сформулированных форм экологического сознания в классической европейской культуре. Важно подчеркнуть, что в данном исследовании рассматриваются только те объективации экосознания и формы экологической мысли, которые имели место в истории европейской культуры, включая эпоху Нового времени. Все

последующие модификации экологических идей и представлений относятся к современному этапу их эволюции и предполагают использование более адаптированных средств и методов их историко-культурной реконструкции.

Вторая проблема концептуально методологического уровня касалась вопроса обоснованного вычленения собственно экологического контекста в истории западноевропейской культуры. Значимость этой проблемы определяется тем, что формы осмысления и интерпретации природы, а также разнообразных связей между человеком и естественной средой его обитания в рассматриваемые периоды европейской истории не артикулируются, как правило, в терминах специализированных языков и адекватных теоретических конструкций. Скорее, они имплицитно представлены в содержании философских, научных, художественных текстов, задавая их экологическую размерность и социоприродный смысл. Чаще всего эти экологические представления и идеи синкретично «расплавлены» в ткани культурных текстов и в строгом смысле слова являются протоэкологическими идеями и представлениями.

Соответственно, вычленение и экспликация реального экологического контекста в различных формообразованиях европейской культуры предполагает относительно ясный ответ на вопрос о содержательной специфике и структурной параметризации предмета экологии.

Термин «экология», введенный в научный оборот в середине XIX столетия, буквально переводится как «наука о местообитании». Еще Э. Геккель, приоритет которого относительно введения данного термина в язык науки разделяется большинством исследователей, определял экологию как общую науку об отношениях организмов с окружающей средой. Такая интерпретация предметной области экологии оказалась весьма удачной и сравнительно быстро получила широкое распространение в среде биологов и представителей других естественных наук.

Являясь относительно молодой наукой, экология синтезирует в себе огромный массив эмпирических знаний о различных компонентах биосферы и формах ее взаимодействия с абиотическими и социальными факторами. Нельзя не согласиться с мнением американского эколога Э. Пианки, который считает, что экспоненциальный рост экологического знания выдвигает экологию в число самых сложных и в то же время перспективных научных

дисциплин. «Нет другой такой дисциплины, которая искала бы объяснений для столь многообразных явлений и на столь большом числе разных уровней»¹

Среди имеющихся определений экологии преобладают такие ее дефиниции, в которых она представлена как относительно автономный раздел биологического знания. В этих определениях, как правило, разделяется позиция Э. Геккеля по вопросу о предметной сфере и исследовательской направленности экологии.

Однако интенсивное развитие экологических знаний во второй половине XX века обнаружило очевидную ограниченность как формулировки Геккеля, так и тех дефиниций предмета экологии, которые на ней базировались. В современных исследованиях все чаще отмечается, что изучение отношений между организмами и окружающей их средой обитания – слишком общая формулировка задач экологии, не позволяющая обосновать ее специфику и место в обширной совокупности биологических дисциплин.

Принципиально важно представить экологию на современном уровне ее развития с многочисленными ее подразделениями как целостную и единую систему знания. При этом, естественно, акцент должен быть сделан не на инструментальных возможностях этой дисциплины, а на ее роли и месте в современном научном знании и культуре в целом.

Корректное определение предмета экологии, выяснение перспектив ее концептуализации предполагают системное объединение не только различных ответвлений экологического знания и важнейших его разделов, но и предметно-содержательных компонентов иных наук, описывающих сложные взаимодействия основных элементов целостного социобиосферного комплекса. Такое понимание экологии приобретает все более широкое распространение в современной культуре под воздействием впечатляющей трансформации традиционных форм экологического сознания и интенсивной динамики науки об окружающей человека среде обитания. Формирование и развитие социотехносферы делает в принципе непродуктивной идеализацию базисных отношений живых систем со средой их обитания как адекватных коррелятов предметной области экологии. Все чаще в нее включается комплекс важнейших проблем взаимодействия общества и природы, явно или контекстно артикулируется социокультурный статус современной экологии. Все

¹ Пианка Э. Эволюционная экология. М., 1981. С. 11.

чаще такая позиция разделяется не только представителями социально-гуманитарного знания, но и ведущими специалистами в области традиционных биологических дисциплин. В данном случае можно сослаться на авторитетное мнение Ю. Одума. Он считает, что события последних десятилетий XX в. отчетливо продемонстрировали настоятельную необходимость формирования и тщательной разработки экологии как единой синтетической научной дисциплины, занимающейся проблемами взаимодействия биотических и абиотических компонентов биосферы, которая испытывает на себе все более возрастающее антропогенное давление. «Определение этой области исследования как науки о структуре и функциях природы, - отмечает Ю. Одум, - будет более соответствовать ее современному направлению, причем человечество рассматривается как часть природы»¹.

Такая системная интерпретация предмета экологии позволяет органично интегрировать в его содержание как естественнонаучные ее основания, так и комплекс социокультурных предпосылок взаимодействия общества и природы. Соответственно, экология может быть определена как «научная дисциплина, исследующая взаимодействия биотических, абиотических и антропогенных характеристик целостного социобиосферного комплекса с целью раскрытия закономерностей коэволюции человечества и естественной среды его обитания»².

Предложенную дефиницию не следует рассматривать как категориальное определение ее предмета. Она лишь ориентирует на вычленение наиболее перспективной стратегии дальнейшего развития экологических знаний и корректную ассимиляцию нового эмпирического материала в сфере эколого-биосферной проблематики.

Приемлемой и продуктивной такая интерпретация предмета экологии является и для решения вопроса о селекции параметризации огромного, практически необозримого материала западноевропейской культуры с целью вычленения его экологического контекста, обнаруживающего себя как в относительно явных формах, так и в виде ассоциативных протоэкологических идей и представлений, присутствующих в философских, религиозных, художественных,

¹ Одум Ю. Основы экологии. М., 1975, с. 9

² Зеленков А.И., Водопьянов П.А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Минск, 1987, с. 133

научных текстах и иных формообразованиях западноевропейской культуры.

Таким образом понимаемый предмет экологии предполагает интерпретацию базовой совокупности отношений человека как доминирующего субъекта экологических связей со средой его обитания. В широком смысле слова эта среда обитания должна включать по меньшей мере три типа реальности: а) мир неорганических объектов, космос, универсум; б) область органических явлений и процессов, феномен живого вещества в различных его модификациях и эволюционной развертке; в) социальный мир, который, репрезентируется в различных формах культуры, являя, таким образом, специфический тип освоенной реальности, в которой имманентно снимается антропологическая составляющая, т.е., иными словами, реальность, несущая на себе отпечаток человеческой активности, преобразующей деятельность человека.

Эта схема параметризации экологических отношений, составляющих инвариантное пространство предмета современной экологии, в разной степени и в разных формах воспроизводится в ту или иную эпоху развития европейской культуры.

Разработка методов и форм корректной аппликации концептуальной схемы базовых экологических отношений на материалах западноевропейской культуры явилась третьей задачей методологического уровня, которую пришлось решать в целях оптимальной философско-теоретической реконструкции культурного наследия западноевропейской цивилизации, представленного в религиозно-мифологических, философских, художественных, научных текстах.

Решение этой задачи имеет особое методологическое значение для осуществления успешной и исторически адекватной реконструкции экологической мысли в европейской культурной традиции. Это связано с необходимостью адресной и тематически заданной селекции огромного эмпирического материала. Принцип этой селекции задается категориально-концептуальной матрицей, объединяющей в себе предметно-содержательные структуры экосознания и формы их объективации в философско-мифологических, научных и художественных текстах. Исходя из этого, на каждом конкретно-историческом этапе развития европейской культуры вычленялись такие ее компоненты, в которых

артикулировался образ природы, представления о человеке как субъекте экологического отношения и различные вариации социально-экологических ценностей и императивов. Каждый из представленных компонентов базового экологического отношения в свою очередь дифференцировался, исходя из атрибутивных его характеристик специфической предметности.

В результате образ природы, независимо от того, в каком конкретно-историческом культурном ареале он формировался, разворачивался через сущностные характеристики субстанциальных оснований универсума, пространственно-временные параметры, каузальные и динамические связи, а также телеологические признаки космического универсума.

Антропологическая составляющая в структуре экологического отношения разворачивается в совокупности таких ее определений, как соотнесенность микро- и макрокосма, свобода, творчество и труд, феномены жизни и смерти, аксиологическая размерность человеческого бытия.

И, наконец, возможные вариации социально-экологических стратегий поведения и деятельности человека в природной среде его обитания представлены через анализ моделей соразмерности природного и социального порядка, социально-экологических программ, практики и преобразовательной активности общества, представлений о социальной иерархии и социальной динамике, а также смысла и направленности истории в контексте природной эволюции.

Все эти сложноструктурированные категориальные матрицы были апплицированы на реальный историко-культурный материал европейской традиции. В итоге стала возможной концептуально-семантическая интерпретация важнейших приоритетов экологической культуры эпохи античности, была осуществлена структурно-содержательная реконструкция экологического контекста в культуре средневековья, выявлены базовые ценности экосознания эпохи Возрождения и обоснована системная развертка основных стадий развития экологической мысли в новоевропейской культуре.

Разработка и теоретическое обоснование изложенной схемы анализа экологической мысли в западноевропейской культуре позволили осуществить интегративную интерпретацию феноменов экокультуры, представленных в языке философского, научного и художественного сознания, что явилось существенной предпосылкой

создания подлинной «Антологии экологической мысли», не редуцируемой к суммативной совокупности случайно подобранных фрагментов из различных эпох и формообразований европейской культуры.

Разумеется, задача такой концептуально ориентированной реконструкции становления и эволюции экосознания в западноевропейской традиции не может быть реализована в полной мере и исчерпывающим образом. Авторский коллектив отчетливо осознает это обстоятельство и рассматривает предложенный вариант «Антологии» как одну из возможных попыток подобного исследования и первичную аппроксимацию логики исторической эволюции западноевропейской экологической мысли.

А.И.Зеленков